

Евгений Ткаченко

ЗАПИСКИ ПОПЕРЕЧНОГО ЧЕЛОВЕКА

Повести и рассказы

Евгений Ткаченко

**Записки поперечного
человека. Повести и рассказы**

«Издательские решения»

Ткаченко Е.

Записки поперечного человека. Повести и рассказы /
Е. Ткаченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932604-1

На обложку этой книги совсем не случайно помещена картина Ильи Глазунова под названием «Великий эксперимент». В рамках этого эксперимента я прожил полвека и в этой книге как раз попытался не только осмыслить его, но и понять каким образом, почему он был проведен именно у нас в России и как повлиял на души россиян. Слишком много неправды написанной и озвученной о том времени заставило меня поделиться своим видением этого эксперимента.

ISBN 978-5-44-932604-1

© Ткаченко Е.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Повести	7
Записки поперечного человека	7
Глава I	7
Зигзаги жизни	7
Глава 2	11
Влияние культурной среды	11
Глава 3	15
Любовь	15
Глава 4	20
Политика и судьбы граждан	20
Глава 5	24
Про дедушек и коммунистов	24
Глава 6	28
Самоутверждение	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Записки поперечного человека

Повести и рассказы

Евгений Ткаченко

© Евгений Ткаченко, 2018

ISBN 978-5-4493-2604-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

На обложку этой книги совсем не случайно помещена картина Ильи Глазунова под названием «Великий эксперимент». В рамках этого эксперимента я прожил полвека и в этой книге как раз попытался не только осмыслить его, но и понять каким образом, почему он был проведен именно у нас в России и как повлиял на души россиян. На эту тему литературы достаточно, но большая ее часть далека от правды, поскольку авторы, как правило, в то время были активными членами каких-то объединений, политических или общественных. Они наблюдали этот эксперимент с положения человека несколько привилегированного, а потому описать его объективно оказались не в состоянии.

Я, в советское время не только ни в каких объединениях не состоял, но и сформировался как личность в рамках самой независимой профессии – конструктор.

Конструктор, решая техническую задачу, начинает с того, что набирает максимум информации по теме. Далее он обязан в существующих конструкциях найти слабые места и сконструировать более совершенный механизм, или машину. Таким же образом я воспринимаю нашу социальную и экономическую жизнь, которая не может наладиться уже целое столетие. Понятно, что эти «механизмы» сложнее изготовленных из железа, но я думаю, что подход к их совершенствованию одинаковый.

Слишком много неправды написанной и озвученной о том времени заставило меня поделиться своим видением этого эксперимента.

Повести

Записки поперечного человека

Бог создал нас для известной ему одному роли в большом спектакле. Надо угадать свой текст и суметь сыграть – с трепетом, но без заикания.

Григорий Померанц

Теперь же, когда я не только припоминаю, но даже решился записывать, теперь я именно хочу испытать: можно ли хоть с самим собой совершенно быть откровенным и не побояться всей правды?

Ф.М.Достоевский

Глава I

Зигзаги жизни

Я стар, мне уже за семьдесят. Всю жизнь что-то созидал, видно программа в меня вложена такая. Вот и сейчас, вместо того чтобы сидеть на теплой печи что-то совсем не развлекательное читаю, вспоминаю, размышляю, пишу.

Вспоминаю свое раннее детство и явственно снова ощущаю в душе какое-то благоговение перед созданными человеком предметами и книгами, особенно почему-то книгами. Ни одну за свое детство я не зарисовал и не порвал. Это чувство сопутствует мне всю жизнь. Всегда удивлялся тому, как легко и даже с какой-то страстью дети рвут и пачкают книги. Возмущался понятно. Когда подрос, казалось, что это недоработки родителей, но потом дошло, что меня-то родители этому не учили, это было откуда-то изнутри.

Еще в дошкольном возрасте был у меня приятель Толик, видя часы, он как бы терял на время рассудок пытаясь проникнуть внутрь, для этого годились и отвертка и молоток. Дома у него ни одни часы не ходили, понятно, что родители Толика жестко наказывали, но это не работало. Помню, его побитого мне было жалко, но про себя я занимал сторону родителей. Должно быть, внутри него действовала какая-то сила, толкающая Толика на эти «преступления», да такая мощная, что он до определенного возраста сопротивляться ей не мог.

Мне нужно было достаточно пожить, чтобы понять, как сложна эта жизнь и что разрушитель он не менее важен, чем созидатель. Интересно, что мотив ломать он разный: один ломает из любопытства и страсти познать, а другой из удовольствия крушить. Это какая-то индивидуальная программа, вложенная кем-то в наши души при рождении. Ведь почти треть мальчишек рождаются воинами и большинство из них любители ломать, а не строить. Даже человек злой и агрессивный для социума также необходим, как добрый и сердечный. Без него мы плохо будем отличать добро от зла, да и к добру он может подвигнуть окружающих куда как эффективнее, чем человек сердечный. В общем, то, что в какие-то периоды жизни кажется очевидным и бесспорным, совсем не очевидно. Не случайно в народе говорят, что только дуракам в жизни все ясно и понятно.

Парадокс в том, что сейчас я может быть, больше жалею носителей зла и неправды, представляю, как же тяжело идти по этому пути, но эту дорогу им дал Господь, возможно в назидание.

ние многим, чтобы не творили зла. Они, пожалуй, самые большие страдалыцы, Бог на их примере учит людей не поступать так, надеясь, конечно и на их преображение тоже. Ведь самое большое несчастье для человека жить без любви и добра в своей душе. Видно на них, носителей зла, действует та же сила, которая заставляла маленького Толика до определенного возраста ломать часы, вот только некоторых она ведет до конца их дней на земле. Пишу это вполне искренне, понятно, что думал так не всегда, понимание пришло ко мне только на склоне лет. Совсем не случайно первым, кого Христос взял в рай, был отпетым разбойником.

Я прожил полную жизнь и благодарен Господу, что Он дал возможность ее прожить. Оглядываясь назад, вижу, как же много было моментов, когда Он поддерживал меня и даже спасал. Думаю я прошел и еще продолжаю идти тот путь, к которому был предназначен. И все же, имея свободную волю и основательный опыт, сейчас вижу, что в самых важных элементах жизни потерпел серьезное фиаско. Я напряженно учился и трудился, окончил политехнический институт, конструировал машины, дорос до главного конструктора и, выйдя в своей области техники на мировой уровень, в расцвете сил оказался государству ненужным. Когда это случилось, помню, в душе появился вопрос: «Если моя страна так легко отказалась от меня и вообще от всего направления техники, которым я всю жизнь занимался, то может путь, который я выбрал – ложный и жизнь прожита напрасно?». Этот вопрос какое-то время мучил меня, но, в конце концов, я понял, что все правильно мне такой жесткий урок был необходим. Ведь изобретая машины, я несколько возгордился и относил себя к элите человеческого общества. Творцом себя возомнил! Понятно, что конструкторская деятельность была для меня долгое время в приоритете по сравнению со многим, чем живет человек и что его окружает. Этот урок перевернул мою шкалу ценностей и сейчас я полностью согласен с В.В.Розановым, который писал: *«Верьте, люди, в нежные идеи. Бросьте железо: оно – паутина. Истинное железо – слезы, вздохи и тоска. Истинное, что никогда не разрушится, – оно благородное. Им и живите».*

Уже то, что я это понял, говорит о том, что путь этот не был ошибочным. Он не был напрасным еще и потому, что подарил мне громадный опыт жизни, позволивший переориентироваться на гуманитарную деятельность. Наверное, как раз для этого мне этот непростой, длинный путь и был дан. Известный академик, создатель лазера Прохоров как-то сказал, что творческий человек может максимально реализовать себя только при условии, если трижды в течение жизни кардинально поменяет направление своей работы. Волею судьбы у меня так и получилось: инженер, преподаватель, литератор.

Пожалуй, еще больший облом претерпел в семейной жизни, хотя по природе человек я преданный, семейный и терпеливый. Не удалась она мне, и вот доживаю свой век в одиночестве.

Думаю, что это тоже такой замысел Бога? Он дал мне возможность многое увидеть и испытать в этой жизни, а потом оставил одного и подарил способность излагать на бумаге свои мысли, думаю не только с целью осмысления пройденного пути лично для себя. Мне-то это уже зачем?! Возможно, мой опыт для кого-то будет важным, и даже необходимым, но об этом знает только Он.

Всю жизнь я был сильным, энергичным и размеренно по ней, этой жизни, не шел, а бежал. Наверное, свою дорогу чувствовал каким-то невероятным чутьем. Сознаюсь, что пару раз с пути сбивался, но на очень короткое время, и всегда быстро и безошибочно возвращаясь на него. Сейчас я понимаю, как непросто было сориентироваться в советское время, где практически все ценности были перевернуты с ног на голову и во время той дикой анархичной социальной перестройки 90-х, поломавшей миллионы судеб наших соотечественников. Каким-то образом умудрялся выживать, не изменяя себе, несмотря на то, что почти все время приходилось идти против течения.

В ажиотаже жизни я смотрел только вперед, а назад, на то, что осталось за спиной, не оглядывался. Даже выйдя на пенсию, я о прожитой жизни особенно не задумывался. Как всегда сделать это помог случай. Написав первую свою книгу, я подарил ее Вячеславу Харинovu, настоятелю храма, прихожанином которого был. Через некоторое время на трапезе после Литургии батюшка внимательно посмотрел на меня и произнес всего одну фразу:

– Евгений, какую же интересную жизнь вы прожили.

Ну да, конечно, первая книга состояла из рассказов и размышлений о моей жизни.

Сначала я удивился, но потом посмотрел по сторонам, на судьбы своих сверстников по школе и институту и, оглянувшись назад на уже прожитую свою жизнь, с удивлением обнаружил, что священник прав, так оно и есть, действительно интересная, значительно многообразнее и насыщеннее чем у моих друзей.

Протоиерей Вячеслав Харинов

Кстати, он же подвигнул меня к написанию этой первой книги. А получилось так. Когда мой отец ушел в мир иной, я тут же на следующий день приехал к батюшке, с просьбой отпеть его. Дело в том, что отец был крещен, заповеди соблюдал, но в храм не ходил, да его в городе и не было. Вячеслав Харинов попросил рассказать о его жизни. Мой рассказ произвел на него такое сильное впечатление, что батюшка попросил изложить его на бумаге и подарить ему. Излагая, я не только невольно вспомнил массу интересных фрагментов из собственной жизни, но и о многом задумался. Собственно с этого и началась моя литературная деятельность.

На сегодняшний день у меня написано шесть книг, а настоящего осмысления той жизни, которую прожил, в них нет. Какие-то мысли присутствуют, но они фрагментарны и не системны. Придется опять начать со своего детства, с семьи и той культурной атмосферы, в которой пришлось мне произрастать. Не подумайте, что я кого-то пытаюсь пачкать или критиковать. Мне просто хочется максимально искренне описать то время, в котором рос. Уверен, что сегодняшнему поколению людей важно знать правду. Найти ее очень непросто, слишком послевоенное время было противоречивым. Существовало две правды, одна истинная, народная, но она была скрыта, а другая от власти, официальная, которой нас учили, но правдой ее назвать нельзя. И, конечно, я очень хорошо понимаю, что в книге, которую пишу, будет только моя правда, и она весьма относительна. С ней можно соглашаться, а можно ее и отрицать, ведь у каждого свой опыт.

Эту книгу можно отнести к очередному зигзагу моей жизни, поскольку это не просто жизнеописание человека, но попытка осмыслить его в контексте истории страны. Можно подумать, мол, с какой стати ты пытаешься это сделать, ведь ты не историк, а всего лишь рядовой инженер? А я именно поэтому, что рядовой, и взялся писать. Все-таки сознательно наблюдал жизнь в государстве больше пятьдесят лет и наблюдал не из какого-то привилегированного слоя: артистического, политического, чиновнического или журналистского, а из толпы. Наблюдал, пожалуй, не совсем правильно, я еще и активно жил, за исключением жизни политиче-

ской. В моей памяти все правители – от Сталина до Путина и не только имена, я на собственной шкуре прочувствовал их политику.

Решил писать эти записки еще и потому, что вижу сильное отличие судьбы моего поколения от судьбы поколения предыдущего и последующего. Предыдущее поколение практически всю активную жизнь прожило в условиях коммунистического эксперимента и прошло страшное испытание войной. Последующее, поколение моих детей, сознательную жизнь проживает уже в капиталистической России. Только мое послевоенное поколение попало на социальный излом, причем большинство его представителей в расцвете своих физических и творческих сил.

Об этом изломе говорить правду как-то до сих пор не принято. Собственно ситуация такая же какая была у нас после войны. Тогда власть за правду жестко наказывала. Она пробивалась к нам почти полвека. Семь миллионов потерянных жизней озвученных Сталиным сразу после войны превратились за это время в двадцать семь. Правда о войне от тех, кто полностью прошел ее, тоже появилась совсем недавно. Роман Виктора Астафьева «Прокляты и убиты» окончен в 1994 году. В это же время появились «Записки гадкого утенка» Григория Померанца, в которых много удивительной правды о войне очевидца, такой искренней, какой мне встречать не приходилось.

Правду о социальной революции 1991 года сегодня нужно искать по крупицам, за нее не наказывают, но она явно замалчивается. Почему? Думаю понятно многим, у власти до сих пор находится большое количество тех, кто этот антинародный переворот совершал. Совсем не случайны эти лживые ежегодные Гайдаровские форумы и попытки прославлять Ельцина.

Так в период с 1992 по 1998 год в России ушло из жизни почти три миллиона мужчин в возрасте от двадцати пяти до сорока пяти лет. Они умерли в результате различных заболеваний, которые не свойственны молодым людям. Эти заболевания были вызваны той грубой и циничной шоковой терапией. Заболевали мужчины зрелого возраста от невозможности реализовать себя, от бесперспективности жизни. Эти потери связаны со сломом социального порядка. Из статистики, в 1993 году по сравнению с 1987 годом число умерших в возрасте 30—39 лет увеличилось в два раза, а в возрасте 20—29 лет – в 1,8 раза. За первые два года существования режима Ельцина, численность Русского народа снизилась на 1 млн. человек, и это не смотря на то, что за этот же период в Россию вернулось порядка 500 тысяч русских из союзных республик. Население нашей страны после переворота убывало на протяжении целых двадцати лет. Самое страшное, что больше всего пострадали граждане обремененные культурой и интеллектом, собственно также как это было в революцию 1917 года.

В своей книге «Записки гадкого утенка» Григорий Померанц пишет: «Люди созданы для разных задач, и надо понять свою задачу, не испугаться ее, принять ее труды и опасности, но не переоценивать своего дара... Бог каждому из нас назначил ступеньку, до которой мы должны подняться. Есть незримая иерархия этих ступеней».

Мне кажется, сегодня моя задача очевидна. Она сужена Господом до одной деятельности – писательской, другого уже ничего не могу в силу физической немощи. Думаю на какую-то ступеньку я подняться смог. Удалось не только все, что задумывал, но куда как больше. Наверное, потому, что своего дара не переоценивал, а еще не сомневаюсь в том, что Господь мне в жизни всегда помогал. Раньше, когда был сильным и энергичным всегда имел выбор. Сейчас приятно осознавать, что ошибался мало и в основном шел по предначертанному мне пути. Искренне могу сказать: «Слава Богу за все!».

Дорогие читатели хочу обратить ваше внимание, на то, что в своем повествовании старался быть максимально искренним. Понимаю свое несовершенство, грешность и конечно примитивизм, возможно, кого-то это ранит. Заранее прошу прощения.

Глава 2

Влияние культурной среды

Сейчас я убежден в том, что жизнь человека определяется не только талантами, которые он получает при рождении, но в большей степени семьей и той культурной средой, в которой проходит его детство, среда играет роль проявителя, выявляющего талант, или угнетателя, способного талант убить или сильно затормозить его проявление. А еще в семье закладываются основы взаимоотношения человека с этим миром.

Так вот мое детство прошло в маленьком промышленном городке, расположенном на берегу реки Невы в сорока километрах от Санкт-Петербурга. Городок этот сегодня называется Кировском, а когда я там родился, это был поселок Невдубстрой. Появился он в 1932 году рядом со строящейся электростанцией 8 ГРЭС по инициативе Сергея Мироновича Кирова. Понятно, что был этот городок чисто советским, пропитанным коммунистической идеологией и практически без наличия какой либо национальной культуры. Да и население городка сложилось искусственно, жесткой волей коммунистической власти. Основная часть мужского населения в послевоенное время – заключенные советского концлагеря, привезенные из концлагерей немецких, женского – в основном девушки из окрестных поселков и деревень. Таким образом, история моего родного города начала складываться, по сути, с нескольких предвоенных лет и Великой Отечественной войны.

А вот удивительно красивая история края, в котором я рос, ведущая свое начало еще со времен Александра Невского, советской властью была вычеркнута из моей жизни. Даже богатое прошлое крепости Орешек, которая находилась всего в восьми километрах от Кировска, и в которой я многократно бывал, представлялось в советских книгах и экскурсоводами только как история крепости в Великую Отечественную войну. О предыдущей многовековой истории и края, и крепости, определившей, по сути, все дальнейшее развитие государства Российского говорилось очень кратко и с фантастическими искажениями.

В такой среде очень уж малокультурной и пришлось жить. Был и еще один, как мне сегодня кажется негативный момент для поколения детей родившихся сразу после войны. Мы, в какой-то степени мешали празднику жизни родителей. Они все были еще молоды, эта страшная война отняла у них юность и упущенное они старались наверстать. Понятно, что этот негатив затронул всех по-разному, меня, например, очень сильно. Сердечного контакта со своими родителями вспомнить не могу. Я чувствовал, что отец меня любил, но был он не сентиментален и по отношению ко мне авторитарен, кроме этого видел я его в своем детстве очень мало. Отец много работал, а свободное время проводил в лесу на охоте, или на Неве, на рыбалке. Это было не только страсть и удовольствие, но в большей степени желание обеспечить продуктами близких, поскольку еды тогда сильно не хватало. Очень хорошо помню редкие радостные моменты, когда он уделял мне внимание. Малышом, наверное, четырех-пяти лет всегда брал с собой в ванную купаться, мы гоняли по воде пластмассовые игрушки, смеялись, а потом я счастливый лежал на папиной, как мне казалось необъятной груди. А еще когда я болел, помню рядом только папу и его руки. Однажды на больничном был папа, и целый вечер посвятил мне, рисовал в мой альбомчик медведей, охотников, лосей. Отец рисовал хорошо, и я был в полном восторге. Этот альбомчик долго хранил, как особую ценность.

Для мамы я с самого детства был чем-то негативным, постоянно ее раздражающим, хотя по природе хулиганистым не был. Четырнадцать лет она не работала, зарплаты отца на жизнь хватало. Мне было очень неуютно дома, угнетала атмосфера постоянной ее агрессии в мой

адрес. С малых лет домом моим была улица. Мамино угнетение и отцовская авторитарность сильно повлияли на мое взаимоотношение с миром. Я чересчур долго был неуверен в себе, смотрел на всех с некоторой робостью и снизу вверх. Это мешало мне жить, особенно учиться, как в школе, так и в институте, письменные мои работы оценивались, как правило, на хорошо и отлично, за устные же ответы я редко получал выше тройки. Чувствуя в моем голосе некоторую растерянность, преподаватели предполагали слабость знаний.

Как Чехов выдавливал всю жизнь из себя раба, так и я выдавливал из себя неуверенность. Удалось мне это только к пятидесяти годам. Процесс оказался таким долгим потому, что в интеллекте и умении что-то делать, необходимо было не только сравняться с окружающими, но и где-то их превзойти. Честно говоря, в зрелые годы, соприкоснувшись с реальной жизнью, осознал себя таким рабом, что Антона Павловича уже и не понял. Действительно, приходится бороться с этим до сих пор. К счастью вижу, что этой рабской психологии в поколении моих детей, и особенно внуков намного меньше, чем в моем поколении.

Понятно, что, будучи ребенком, я воспринимал все как само собой разумеющееся и пытался утверждать себя в тех ценностях, которые среда мне предлагала. А предлагала она школу, спорт, летом работу вместе с родителями на картофельном огороде и рыбалку, осенью добычу грибов, в общем, было все кроме гуманитарного развития. Гуманитарное долго воспринималось мной как что-то несерьезное, вторичное что ли. Кого могла заинтересовать, например, история, которая в школе была представлена только как история КПСС и история последней войны, или литература, назойливо подававшаяся нам в виде каких-то политизированных образов? При поступлении в институт меня спасла свободная тема. Сочинение под названием «И на Марсе будут яблони цвести» – принесло мне оценку хорошо. Ну а первичным было служение комсомолу и партии, а если не хочешь, то приветствовалось еще физико-математическое восприятие мира и физическая сила.

Отец был для меня исключительным авторитетом. В партии он не был, причем никогда ее не осуждал, но я каким-то невероятным образом знал его истинное отношение к ней, окончив школу, уже понимал, что если буду делать карьеру с помощью партбилета, потеряю его уважение. На всем политическом я поставил крест еще в школьные годы и ставку сделал на физическую силу и профессионализм. Отрицание коммунистической идеологии тогда было у меня конечно на подсознательном уровне, сознанием я этого не понимал. Не понимал и того, что как раз подсознание и ведет нас по жизни. Все это так, но по правде говорю я, еще будучи школьником, уже имел такую аллергию в душе к вожакам комсомольским и партийным, что к ним в компанию идти совсем не хотел. Сейчас мне понятно почему, я чувствовал искусственность и ложь в их речах, манерах поведения, что исключало доверие к ним, а высокое положение в социуме добываемое такими средствами меня совсем не привлекало. Вожаков пионерских я не упомянул потому, что они все же верили по-детски искренне и вели себя тоже искренне.

Школа у нас большая трехэтажная, и пионерская организация была громадной, может человек триста. Возглавляла ее девушка по имени Лида, очень симпатичная и фигуристая, думаю, школу она закончила и это была ее работа. Она мне, десятикласснику уже не пионеру и еще не комсомольцу нравилась, ведь я уже стал засматриваться на девушек. Себя-то со стороны не видел, но это было как раз время преображения меня из гадкого утенка в высокого стройного юношу. Мне была симпатична ее неумная энергия и естественность поведения, а еще я видел, как любили ее дети. Мы, понятно, были знакомы, и она помнила меня еще гадким утенком. Однажды уходя с занятий, я встретил Лиду на первом этаже, она мне мило улыбнулась и предложила зайти в пионерскую комнату, а там спросила, не тороплюсь ли я. Я ответил, что нет. Она как-то немножко нервно улыбнулась и, показав на сумку, стоящую на столе спросила:

– Поможешь донести до дома.

– Конечно, запросто, – ответил я.

Помогая одеть ей пальто, я почувствовал, что она волнуется. Это волнение тут же перешло мне, оно было приятным, возбуждающим. Расшифровать его в полной мере я тогда не мог, опыта не было. Сейчас-то все понятно.

По дороге Лида что-то говорила, я механически поддакивал, а в ушах и голове была какая-то ватность, истома и постоянно сверлил тупой вопрос: «Зачем она попросила нести такую легкую сумку?».

От школы Лида жила недалеко, через пять минут мы уже зашли в дверь ее квартиры. Сумку я поставил на табуретку в прихожей, а Лида повернулась ко мне спиной, чтобы я помог снять пальто. Я вынужден был приобнять ее за плечи, взявшись обеими руками за отвороты. Она сразу обмякла и на мгновение прижалась ко мне. Почувствовав дрожь в ее теле, я тут же весь покрылся испариной. Лида сделала резкое движение вперед, ее пальто осталось в моих руках и я механически, как во сне повесил его на вешалку, которая оказалась рядом. Лида взяла отвороты моей куртки, прижалась ко мне и каким-то сладким-сладким голосом произнесла: «Раздевайся, чай будем пить». Своей плотной, совсем немаленькой грудью она буквально прижала меня к стенке, и я впал в какое-то полуобморочное состояние, ничего не понимал, только смотрел в приоткрытую дверь комнаты на аккуратно застеленную кровать с большой подушкой. Потом стал наплывать какой-то ужас, я отстранил ее, залопотал какие-то извинения, схватил свою сумочку и выскочил за дверь. Не помню, как дошел до дома. Целый месяц я ходил весь из себя рассеянный, как стукнутый пыльным мешком, даже учиться стал хуже.

Памятью своей иногда возвращался к этому случаю и всегда недоумевал откуда во мне, мальчишке, было тогда это целомудрие. Красивым отношениям между полами нас никто не учил, зато двор учил, причем в самом грязном и циничном виде. Я не возмущался, слушал, ведь это было так интересно, притягательно и волнительно. А вот душа грязь не воспринимала, она хотела красоты и верила только в нее.

Я уверен, что это целомудрие и стремление к красоте присутствует в душе каждого. Вот только понятие красоты зависит от той среды, в которой человек вырос, оно не абсолютно и что для одного красиво для другого это может быть совсем не красотой. Так один из моих приятелей, кандидат наук, кстати, родился в деревне. Так вот для него счастье и красота спать на сене и чтоб обязательно вокруг прыгали блохи.

Но что особенно портит человека так это его эгоизм, который часто подавляет и красоту, и целомудрие. В неприкрытом виде мы его можем видеть у мальчиков-подростков. Пытаясь быть более значимыми в среде сверстников, они готовы на многое, порой на гадкое и мерзкое, причем важно, чтобы о содеянном зле знали, а еще лучше, чтобы видели. Удивительно, что эта зараза сегодня распространилась и на девочек. Как-то в новостях показывали избивание девочки группой ее подружек, записанное на телефон, причем били ее ногами. Ради лайков сегодня подростки массово гибнут в рискованных селфи, и даже устраивают самоубийство. У некоторых взрослых все тоже, только уже завуалированное и не так заметное на первый взгляд. Дети тонко чувствуют культуру среды, в которой существуют и невольно проявляют ее нам. Мы, взрослые, ахаем, ужасаемся, осуждаем своих детей и мало кто осознает, что видит в них свое истинное фото, без ретуши и прикрас.

Чем же определялся уровень культурной среды в послевоенное время, когда информационное поле было очень бедным? В первую очередь родителями, родственниками, семьями приятелей и соседей, а они, в то время, еще несли в себе традиционную бытовую культуру, наработанную нашим народом за тысячелетие. Это совсем не то, что мы наблюдаем сегодня. Девяностые годы и информационная революция серьезно изменили культурную среду, грубо внедрив в нее западную масскультуру. А тогда не было никаких заборов и обособления людей друг от друга. В некоторых женщинах еще просматривалась какая-то загадочность из прошлого девятнадцатого века, они еще носили шляпки, а одна моя тетя никак не могла расстаться с муфтой. Женщины не использовали ненормативную лексику и не курили, а мужчины, даже

самые хулиганистые, в их присутствии вели себя смирно и старались грубо не выражаться. Недостаток информации успешно компенсировался обилием праздников, на которые собиралась родня, друзья, а порой и соседи. Существовало какое-то особое доверие друг к другу, все и все были на виду. Отношения строилось, понятно, на добром чувстве, но самое главное на терпимости. Ведь на этих искренних встречах выявлялись не только нравственные изъяны каждого, но и дурь, конечно. Удивительно, что тяга к общению, особенно у женщин была так велика, что прощали они друг другу все оскорбления высказанные сгоряча на предыдущей встрече. А в таком стандартном диапазоне – вначале радость встречи, объятия, лобызания, а при расставании претензии и оскорбления друг друга – проходила значительная часть праздников. Мужчины за праздничным столом выпивали крепче, но вели себя обычно ровно и сдержанно. Инициаторами конфликтов, как правило, будучи существами более эмоциональными, были женщины. Мужчины в эти разборки не вступали. Помню часто повторяемую ими шутку: «На то они и гусыни, чтобы шипеть». Для меня это была удивительная школа познания человека, на моих глазах отношения препарировались до истинной сути, как в анатомическом кабинете.

То послевоенное время я охарактеризовал бы одним словом – терпимость. Она в полной мере проявлялась к власти, в отношении друг к другу и, кстати, в отношениях жены и мужа. Как-то вот я в детстве только это и видел, невероятную терпимость, но не видел настоящей любви и ничего о ней не знал.

Так уж получилось, что и прочитать об этом я нигде не мог. Опять же издержки культурной среды, в которой рос, порядка 80% бумаги тогда в стране тратилось на политическую литературу. Библиотека у нас в городе была бедная, на хорошие книги очередь. Несколько лет стоял в ней на «Трех мушкетеров», так и не прочитал. В школах я не встретил ни одного достойного преподавателя, способного увлечь своим гуманитарным предметом. Помнятся и поминаются мной добрым словом только два преподавателя – по физкультуре и математике.

Именно поэтому после окончания школы в большую жизнь я вышел в некотором смысле интеллектуальным уродом, был силен физически, с достаточно хорошо развитыми логическими мозгами, но почти нулем в самом главном, душевном и духовном развитии. К счастью, я мужчина, а потому имел шанс объективно оценить себя, переосмыслить, изменить собственную шкалу ценностей, и стать другим. Надеюсь, что мне в некоторой степени это удалось. Только вот путь этот был очень длинным, почти в целую жизнь.

Интересные, очень почтительные отношения у меня сложились к книгам. В доме их было не больше десятка, о природе и охоте. Их читал отец, страстный охотник. Зимой он не охотился и, наверное, чтением этих книг утолял свою охотничью страсть. В нашем доме жил книголюб по фамилии Лозовский, владелец достаточно большой библиотеки. По просьбе моего отца он позволил брать книги, при условии, что я никому их давать не буду. Было мне тогда восемь лет. Книги я брал регулярно и за 3—4 года перечитал все сказки народов мира и детскую приключенческую литературу. Потом в чтении моем наступил длительный перерыв. Школа, стадион и улица отнимали все время, и было не до чтения, да и ни один учитель литературой увлечь не смог, для положительной оценки достаточно было хотя бы что-то сказать про образ «Безухова» или «Ноздрева», например, изложенный в хрестоматии. Правда, был в моей школьной жизни момент, со школой, кстати, совсем не связанный, который, пожалуй, и зародил в душе любовь к литературе и отечественной истории. Когда гостил в Питере в семье моей тетушки, то непременно вечерами листал толстенные дореволюционные журналы «Нива», которых у них было несколько штук, передо мной открывался какой-то красивый неведомый мир. Мне было очень странно и непонятно то, что он был совсем недавно и, вдруг бесследно исчез. В студенческие годы иногда читал журналы «Наука и жизнь» и «Техника молодежи». Прочитанные книги помню только две «Денис Давыдов» и «Анна Каренина». Систематически и с интересом начал читать литературу только лет с двадцати пяти. Почти два года я отработал в командировке

в Польше, там оказались хорошие магазины с русской книгой и, главное что мне удалось оттуда привести – это книги, больше двухсот томов качественной литературы. Собственно с этих книг и началась моя библиотека.

В целом, семейная культурная среда, в которой я произрастал, была странная и противоречивая. Основу ее составляли шесть женщин-сестер из деревни Сологубовка, самая младшая из них моя мать. Сестры были организаторами встреч нашей родни на протяжении многих лет. Все они были крупными, сильными и в некоторой степени напористыми дамами, хорошо усвоившими правила игры в социуме навязываемыми нам коммунистами. Из войны извлекли одно-значный урок, что самое беспроигрышное находиться рядом с кухней и продуктами. Четверо из них работали при столовых и буфетах. Конечно, все они любили сладко поесть и выпить. В детстве мне это нравилось, только у тетюшек меня всегда угощали чем-то вкусненьким, для меня невиданным. В гостях у них я впервые попробовал буженину, оливки, твердую колбасу под названием «Советская», маринованные миноги и много еще других вкусовностей.

Образование у сестер, понятно какое, выучены были только считать и писать. Их мужья образованы были значительно лучше, культуру имели более высокую и разнообразную, кто-то писал стихи и любил Беранже, кто-то хорошо играл на гармонии, отец профессионально разбирался в ботанике, знал большое количество украинских стихотворений и иногда по просьбе гостей читал их. К женам своим относились они терпимо и очень снисходительно. Из всех сестер развелась с мужем только одна, но у них не было детей. Загадка для меня то, что шесть таких крепких женщин родили на всех всего-то только шестерых детей. Но что удивительно, в них таких вроде бы примитивных и не имеющих в душах настоящей культуры, она эта культура где-то на поверхности присутствовала и была очень заметна. Дело в том, что сестры выросли в православной старообрядческой семье, подчиняясь советской пропаганде верующими не стали, но какие-то основные красивые понятия: аккуратности в быту, почтения старших, отрицания табакокурения и ненормативной лексики, знание ритуала многих православных праздников несли по жизни. Все сестры были, по сути, ленинградцами еще с довоенных времен. Культура Питера не могла не отразиться на их поведении. Деревенский же примитивизм в них проявлялся в полной мере только тогда, когда сестры расслаблялись, встречаясь в своей родной деревне Сологубовке. Мой отец сестер называл лизоблюдами, сологубовские праздники не любил, старался их избегать, но уж если мать сильно наседала, то всегда поддавался. Ну, а я им очень благодарен. В детстве часто ездил в гости к ним в Питер и каждый раз это была для меня серьезная культурная программа.

На примере своих тетюшек я увидел, что может сделать с человеком семья, традиции и культурная среда, в которой он существует. Оказывается, может сделать почти невозможное, из необразованного и не совсем умного человека сотворить личность достаточно культурную, хотя бы внешне.

Глава 3

Любовь

Советская действительность – это не христианство, любви не учило. Разве что к партии, ее лидерам и коммунизму. Самые пострадавшие от этой идеологии, противной естеству человека, оказались девочки и женщины. В массе своей они эту кривизну, усвоенную в детстве и юности, волокут по жизни, так и не найдя пути к настоящей любви, за исключением единиц с тонкой душевной организацией, или выросших в семьях где эта любовь присутствовала.

Думаю, что самая большая ошибка советского времени – недооценка гуманитарного образования для девочек.

Никак не был осмыслен опыт русских женских гимназий и институтов. Человек, интересующийся историей, невольно встречается с целой плеядой русских женщин – носительниц высоких идеалов чистоты, благородства, человеческого достоинства. Оказывается, все они оканчивали либо гимназию, либо Институт благородных девиц. Предметы, которые там изучались: Закон Божий, русский язык, литература, арифметика, геометрия, география, история, главные понятия из физики, правила хорошего тона, домашнее хозяйство и гигиена, чистописание, рукоделие, гимнастика, французский и немецкий языки, рисование, музыка, пение, танцы.

А еще, особенно в институтах, девочек учили практической деятельности по ведению хозяйства – вести записи расходов, приобретать товары, оценивать их качество и производить расчёты, помогать учительницам в воспитании младших детей.

Мне кажется, сейчас в период реформы среднего образования самое время обратить внимание не только на советский опыт, но и дореволюционный. Особенно на Закон Божий, знание которого было главной скрепой в семье. Он учил любви, и только из него можно было узнать об иерархии устройства семейной и социальной жизни.

Понимание значимости любви в жизни, путь к ней и умение любить – все это имеет место быть там, в науках гуманитарных. Ведь женщина – это основа семьи, именно она создает в ней атмосферу любви, либо агрессии.

Профессор Юрий Вяземский как-то сказал:

– Понимаете, что... Любовь «трехэтажна». Есть любовь и совместимость физиологическая, социальная, духовная. Когда мужчина встречает женщину и они совпадают на всех трех «этажах», – это идеально, это редкое счастье. Как правило, в юности, прежде всего, важна физиология: поцелуи, страсть, постель, невозможность физически жить друг без друга. Если отсутствует социальная и духовная совместимость, за редчайшим исключением, физиологическая быстро проходит, наступает пресыщение.

Так вот мне, уже довольно пожившим на белом свете и дважды женатым, невозможно с этим мнением профессора о любви не согласиться. Однако думаю, что даже тремя этажами описать то, что двое начинают жить вместе невозможно, существуют еще нюансы, которые в состоянии брак, в конце концов, разрушить. Они с любовью не связаны, обязательно несут в себе какую-то прагматическую составляющую. Бывает что эти нюансы, в конце концов, в любви тонут, но так бывает не всегда. Читая, например, Чехова мы эти моменты очень даже замечаем. Промотавшийся дворянин женится, порой, из-за приданного, а девушку отдают замуж ради титула и положения в обществе. Не только писатели, но и наши великие русские художники мимо этих нюансов пройти не смогли. Так Павел Федотов за картину «Сватовство майора» получил звание академика и общероссийскую известность, настолько тонко и с добрым юмором ему удалось передать сцену сватовства дворянина за купеческую дочь. Не менее известна и картина Василия Пукирева «Неравный брак» за которую он получил звание профессора живописи. В сегодняшней нашей жизни нюансы благополучно сохранились.

Василий Пукирев «Неравный брак»

Что я видел в своих браках? В первом браке прожил 33 года, а на самом деле в любви всего три, да и то в этих трех была совместимость только физиологическая, а дальше после рождения дочери и она исчезла, остались муки и сожительство ради детей. Совместимости и любви социальной не было, хоть и были дети. Жена детей обожествляла и ревновала их ко мне. Я попал на случай хорошо описанный в литературе, когда женщина любит мужа только до рождения первого ребенка. Нюансы; с моей стороны я, намотавшись по общагам, вдруг резко захотел семейной гавани, а еще сильно на меня повлиял контраст жесткости в отношении меня со стороны моих родителей и мягкости и внимания, которые я встретил в семье невесты. С ее стороны, как мне кажется, все проще и банальнее – двадцать лет, природа кричит и требует, и тут появляется поклонник, высокий, да еще и перспективный.

Во втором браке физиологическая, чуть-чуть социальная и отчасти духовная. Это уже здорово, настолько, что любовь в моей жизни до сих пор присутствует. На этот раз женился на женщине православной и умной, мне это было очень важно. Но оказалось, что общая особенность женщин, и умных тоже, воспринимать православие в основном на ритуальном уровне. Просто в палитру отработанной схемы жизни у них добавляется еще одна краска, совсем не главная, но в чем-то дополняющая ее, эту жизнь. Наверное, бывает и иначе, но мне как-то не встретилось. Ох, для меня это загадка, такая загадка!

Теперь о нюансах; моя непонятная официальной медицине начинающаяся болезнь и ее, профессионального врача, заверение в моей поддержке и утверждение того, что неизлечимых болезней не бывает. Понятно, что я не мог не зацепиться за это, как цепляется утопающий за соломинку. Но самое главное, что я был очарован ею, поскольку впервые встретил женщину не только приятную мне, но и с мировосприятием подобным моему.

Сразу понимал и то, что возможен негативный вариант развития наших отношений, поскольку быстро терял физические силы и мог стать обузой для всех. Собственно так и случилось. Вначале имел место с ее стороны, кроме симпатии ко мне и очевидный прагматизм или по-другому свои нюансы. Были у нее финансовые сложности. Выяснилось это только в процессе совместной жизни. Прошло время, болезнь брала свое. Когда разрешились ее проблемы, отношение ко мне поменялось, но уйти друг от друга нам не удалось, несмотря на то, что я действительно превратился в обузу для всех. Частичная духовная совместимость, которая была между нами, оказалась для любви исключительно важным элементом. Остались и чувства, может на уровне тления головешки и может только у меня. Слава Богу и за это, в таком возрасте костров, пожалуй, уже и не бывает. Правда, пишу я, как и обещал, искренне, от сердца и это мое восприятие. На самом деле такую жизненную ситуацию куда лучше меня описал Шекспир.

*Мои глаза в тебя не влюблены, —
Они твои пороки видят ясно.
А сердце ни одной твоей вины*

Не видит и с глазами несогласно.

А вот еще одна мысль о любви, мне очень симпатичная и понятная, ее высказал философ Григорий Померанц, которого я считаю гением любви к женщине: «Настоящая любовь немыслима без внутренней зрелости, может быть, ранней, но зрелости. Способность к истинной любви созревает медленно, слишком медленно».

К понятию любви к женщине он добавляет два очень важных слова – «настоящая» и «истинная». Мне кажется, гармония любви возможна только при их выполнении. Кстати сам Померанц созрел для истинной любви только в 38 лет, в результате прожил два брака во взаимной любви, причем, во втором пятьдесят лет с известным поэтом Зинаидой Миркиной, в исключительной любви и гармонии.

Он так гениально писал о любви, что невозможно удержаться от цитирования: «Опыт любви и опыт бесконечности – братья. Не открывшись бесконечности, нельзя до конца отдаться любви. Я не о влюбленности говорю; я о на-всю-жизнь любви. Поэтому любовь пугает. ... Церковный обряд, которым в старину скрепляли брак, – это, в конце концов, отсылка на глубину, прикосновение бесконечного к конечному. Но кто сегодня относится всерьез к символам бесконечности, кто действительно видит в них таинство? Или – кто способен безо всяких символов и обрядов тянуться к глубине? Чувство глубины почти атрофировалось. Это что-то вроде новой болезни, разрушающей иммунитет культуры; только вирус не физический, а духовный: потеря благоговения. Что остается, если нет благоговения к любви? Только волны быстротекущей жизни».

Как жалко, что вся эта важнейшая для каждого человека информация приходит только на склоне лет, когда изменить уже ничего невозможно. Конечно, мне очень хотелось семейного счастья, но не удалось. За это я на судьбу не обижаюсь, поскольку хорошо понимаю, что сам не идеален, ведь моя мать не могла не внести определенную кривизну в мое восприятие женщины, и мне пришлось нести ее по жизни, хотя внутренне женщину я всегда идеализировал. Понятно, что приходилось в дополнение ко всему существовать в атмосфере примитивного отношения к любви, навязываемого социумом. Я захватил то время, когда было нормой выносить семейные проблемы на суд общества. Они обсуждались на комсомольских и партийных собраниях.

Инициаторами этих разборок всегда были женщины. Это естественно, поскольку самая большая кривизна, она сидит как раз в душах женщин, сущностях более консервативных, чем мужчины, сформировавших свое мировоззрение на ценностях советских, где муж и семья были вторичны относительно идеологии, а позже к нему добавились и ценности бандитских 90-х годов, которые опустили семью до уровня рынка. А еще не обидно потому, что за свою жизнь, наблюдая сотни семей и людских судеб, с настоящей любовью встретился всего два раза. По жизни видел терпимость, нетерпимость, предательства, склоки и даже драки между теми, кто соединил свои жизни, чтобы до конца этих дней на земле быть одной плотью, единым целым.

Опишу те два случая истинной любви, с которыми мне посчастливилось встретиться. Я уверен, что каждому о настоящей любви читать приятно, поскольку все к ней стремятся, но мало кому удастся ее достичь. Начну по порядку.

В 1951 году моя семья получила квартиру в восьмиквартирном двухэтажном доме немецкого типа. На втором этаже в квартире №5 поселилась семья Брюховецких. Он – высокий мужчина с рябым грубым лицом, Она – изящная, стройная, симпатичная женщина, похожая на киноактрису. У них было двое детей, Люся – моя одногодка, училась в параллельном классе и сынок Толик, на три года младше. Я довольно часто приглашался к ним в гости, понятно с подачи Люси. Мы говорили о прочитанных книжках, о школе, о дворовых ребятах, иногда рисовали. Толик был тихим мальчиком и нам не мешал, возил машинки по полу, иногда доста-

вал из коробочки ордена с медалями и игрался с ними. Должно быть, его папка храбро защищал нашу страну в войну.

Что же я там еще видел? В первую очередь культуру, сильно непохожую на нашу, мало отличающуюся от сельской. Я видел ее в виде картин на стенах и дизайна вещей наполняющих их квартиру. Все здесь было нестандартно, не так как у всех. У окна в большой кадучке стояло лимонное дерево высотой почти до потолка и на нем висели лимоны, а между рамами окон росли дыни. Это было Ее хобби, выращивать что-то оригинальное. В воскресенье Он иногда собирал в своей квартире дворовых детей и показывал фокусы. После представления всех угощали конфетами.

Для меня, мальчишки, взаимоотношения Его и Ее были на втором плане. Сейчас, вспоминая их, они вышли на первый план. Я это семейство почти боготворил, и мне было удивительно постоянное осуждение и обсуждение Его и Ее женщинами нашего двора причем, всегда в негативном плане. Как только Он получал на работе какие-то деньги, то всегда шел домой с роскошным букетом для жены и тортом для детей, а каждый праздник его жена во дворе появлялась в новом красивом платье. Женщины на лавке бухтели: «Вот опять дорогой ерунды накупил, а потом деньги занимает». Только сейчас я понимаю причину этого группового дворового осуждения. Зависть, женщинам тяжело наблюдать такое. Однажды Он вдруг исчез. Люся сказала мне, что ее папа уехал строить Братскую ГЭС и когда получит квартиру они переедут к нему в Братск. Действительно через полгода они уехали навсегда.

Второй случай настоящей любви я наблюдал, когда был уже взрослым и работал на заводе конструктором. Иногда приходилось курить машины, изготавливаемые на экспорт. Они обязательно проходили полный монтаж в испытательной станции. Там я и познакомился с Алексеем, бригадиром электромонтажников. Это был невысокий, тихий, интеллигентный человек лет тридцати пяти, и исключительно разумный.

Так получилось, что в возрасте тридцати двух лет я вынужден был два месяца отработать в заводском лагере пионервожатым. Только при таком условии дирекция позволила взять мою пятилетнюю дочь на дачу в Вырицу. Такое отношение к ИТР тогда было в норме. Строго соблюдался негласный закон по которому премии и всевозможные блага инженеры получали по остаточному принципу, впереди всегда были рабочие и заводская администрация.

В моем отряде оказалась двенадцатилетняя дочь Алексея, Олечка, девочка невысокая, тихая, скромная с круглым личиком и большими голубыми глазами. На нее невозможно было не обратить внимания, казалось, что она светится, может оттого, что на лице всегда присутствовала доверчивая полуулыбка. Она знала, что мы с ее папой знакомы и относилась ко мне с особым доверием, как к родственнику, что ли. На даче у нее была младшая сестра, и мы иногда туда ходили вместе, я навестить дочь, а она сестру. Дача для детсадовских детей находилась рядом с пионерлагерем. Алексей с женой к своим девочкам приезжал не только в родительский день, но каждое воскресенье. Жена и дочь Оля были удивительно похожи друг на друга. Наблюдая эту семью, невозможно было не заметить какое-то тихое особое отношение тепла и любви между ними.

Лет через пять после этой лагерной эпопеи я на пару недель загремел в больницу на неврологическое отделение и к своему удивлению встретил там Алексея. Он был очень подавлен, ни с кем не общался, в основном лежал в домашней пижаме поверх одеяла. Ходил с трудом, мелкими шагами, придерживаясь за стенку. Каждый вечер к нему приходила жена. Крепко держа его за рукав, она ходила с ним по коридору, потом он ложился на кровать, а она садилась рядом, двумя руками брала его руку и прижимала к своей груди. Они почти не разговаривали, а просто смотрели друг на друга. В таком положении они могли просидеть целый час. Палата большая, кроватей на восемь, моя была в противоположном углу. Из него я посматривал на эту пару, и всегда мне казалось, что от них исходит какое-то волшебное свечение. Конечно, мы несколько раз разговаривали, и он сказал, что врачи диагностировали ему рассеянный склероз.

Лечащий врач у нас был один, и я как-то поинтересовался болезнью Алексея. Тот ответил, что форма у него тяжелая и прогноз неутешительный.

Понятно, что на заводе я его уже никогда не встречал, понимал, что в Испытательной станции о его судьбе знают, но спросить сил в своей душе не нашел, да и вскоре с завода уволился.

Глава 4

Политика и судьбы граждан

Внутренняя политика власти очень сильно влияет на личную судьбу каждого человека в государстве. Окончательно понял я это только на склоне лет. По жизни думал, что моя судьба зависит только лично от меня. Мне казалось, что я свободен и всегда сам делаю свой выбор. Сейчас-то понимаю, что был марионеткой, которую вели за ниточки, и мне только казалось, что я свободен. Понемногу это понимание стало проявляться только в зрелые годы, и связано оно конечно со мной, моими школьными друзьями и отчасти студенческими, в общем, с постепенно накапливаемым опытом жизни. Так уж получилось, что я сначала окончил семь классов в школе-семилетке, когда учился в ней, она была десятилеткой. Как раз в это время в стране количество школ-десятилеток было резко сокращено, их превратили в семилетки, а некоторую часть в одиннадцатилетки, в которые принимали по конкурсу аттестатов и после собеседования. Учась в такой школе, год нужно было отработать на производстве и получить рабочую профессию. Аттестат у меня был хороший, и меня приняли. Так неожиданно и быстро началась хрущевская реформа школы, по ней ставка делалась на рабочий класс и ПТУ. Через четыре года также быстро Брежнев, придя к власти, ее, эту реформу, отменил.

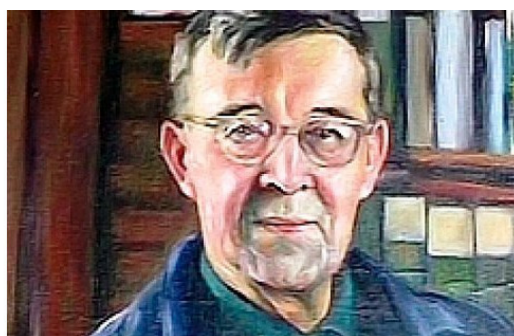
То, что я пережил, получая среднее образование как раз и было искусственным влиянием власти на судьбы граждан. Да это конечно не было таким жестким и порой кровавым насилием над людьми, какое у нас процветало в довоенные годы, но все же это было массовым насилием.

Класс, набранный по конкурсу, в который я попал, оказался очень сильным. Все три года обучения я жил в атмосфере серьезной конкуренции в точных науках и, кстати, в спорте. Для меня это в результате стало благом, позволившим впоследствии достаточно легко поступить в Политехнический институт. Благом это оказалось для всего класса, поскольку в технические институты удалось поступить всем, кто поступал. Правда, через год-два не менее половины из моих школьных друзей были отчислены. Ребята пострадали, лишившись прекрасных студенческих лет, совсем не потому, что способностей не хватило, а из-за элементарного разгильдяйства. Питерские институты держали марку, и не каждому удавалось подстроиться под их жесткие требования. Некоторые из отчисленных, отслужив армию, доучились на вечерних или заочных отделениях.

В нашем выпускном классе было 13 мальчиков. С девятью из них я поддерживал приятельские отношения, невольно видел их личную жизнь и отследил судьбу каждого. Так вот, удивительно то, что судьбы их оказались схожими, невзирая на разность в талантах и способностях. Все были физически сильными мужиками, в юности разрядниками по легкой атлетике и даже чемпионами области. К 65-ти годам пятеро из них ушли в мир иной по одной и той же причине – конфликт с текущей жизнью из-за потери смыслов и на фоне неумеренного потребления алкоголя. Краем глаза я отслеживал такой же сборный класс, учившийся в нашей школе годом позже меня. Там были три мальчика, ну уж прямо таки вундеркинды. Один из них решил такой сложности математическую задачу, что был принят без экзаменов в Питерский университет. После его окончания работал преподавателем математики в институте. Двое дру-

гих в точных науках кроме отличных оценок других не имели. Судьба этих мальчиков еще трагичнее; спились все, причем очень рано, никто не дожил и до пятидесяти лет. Эти таланты были так грубо обесценены в 90-е годы, что пережить их не смогли. По моим наблюдениям люди, не обремененные талантами и интеллектом, эту социальную перестройку пережили значительно легче.

Перед закатом Советского Союза на целых полгода судьба свела меня с известным ученым Игорем Анатольевичем Голосенко – российским социологом, одним из первых историков русской социологии в мире, доктором философских наук, профессором. Кстати он единственный из наших ученых переписывался с основоположником социологии Питиримом Сорокиным. Это один из многих великих русских искусственно вычеркнутый из нашей истории коммунистами. Думаю, имеет смысл кратко напомнить о нем, для того чтобы не забывать соотечественников, прославивших Россию.

Питирим Сорокин

Биография Питирима Александровича Сорокина, автора ряда известных социологических теорий, вместила в себя все драматические события первой половины двадцатого века. Он являлся непосредственным свидетелем и даже участником многих резких поворотов истории, постигших Россию в ту эпоху. Один из самых выдающихся социологов мира пережил, две революции и гражданскую войну. В 1922 году его вместе с группой других ученых, которые не приняли большевистскую политику и марксистскую идеологию, выслали из России. После изгнания Сорокин год жил и работал в Праге. В 1923 году его пригласили читать лекции в Иллинойский и Висконсинский университеты, в США. После успешных лекций его пригласили в Миннесотский университет на пост штатного профессора. Питирим продолжал активную работу над своими лекциями, статьями и книгами. За всю жизнь он опубликовал больше 30-ти книг и сотни статей, впоследствии переведённых на сорок восемь языков. К сожалению, важность научных трудов Питирима Сорокина не была оценена по достоинству ни в России, ни в Соединённых Штатах Америки, которые стали его второй родиной. По мнению многих современных экспертов, его теории, раскрывающие проблемы и противоречия человеческого общества, остаются актуальными и в наши дни.

Профессор Голосенко

Это был 1985 год, я надумал сдать кандидатский минимум и посещал лекции Голосенко. Преподавателем он был, безусловно, талантливым, слушая его, я забывал обо всем на свете. Лекции были особенные, только для нас, аспирантов, а нас в аудитории было не больше десяти. Вел он себя с нами как с коллегами, свободно и непринужденно до такой степени, что через раз приходил на лекцию явно под мухой, а читая лекцию, всегда курил.

В лекциях было много парадоксального, но по отношению к власти не очень криминального, так на грани, что ли. 17-го мая во всех газетах печатают горбачевский антиалкогольный закон, а на следующий день лекция. Голосенко на кафедру забежал шустрее, чем всегда. Широко улыбаясь, окинул нас взглядом и торжественно произнес:

– Действия нашей власти вынудили меня отменить плановую лекцию. Два часа сегодня будем говорить об алкоголе и о взаимоотношении человека с ним, поскольку алкоголь категория очень даже философская.

Лектор был в ударе, и эта лекция оказалась одной из лучших. Кстати, конспект ее я сохранил. Понятно, что о примитивизме, элементарной безграмотности руководства страны он не говорил, но из лекции это было и так понятно. В конце он рассказал нам, чем это мероприятие закончится и когда. Все сбылось, даже в мелких деталях.

Анекдот про Горбачева во времена сухого закона:

Стоит огромная очередь за спиртным, народ негодует.

Один не выдержав, сказал: «Всё иду убивать Горбачева!»

Через какое-то время приходит и говорит: «Туда очередь еще больше».

Прослушав курс лекций, каждый должен был написать работу, причем тему нужно было выбрать самому. Я выразил желание писать о религии. Игорь Анатольевич, услышав это, как-то немножко недовольно сморщился. Потом подумав, написал на листке – Яблоков «О секуляризации». Посмотрев мне в глаза, сказал:

– Воспользуйтесь этой книгой как руководством к действию.

Я тогда понятия не имел, что из-за своих взглядов на религию у Голосенко был серьезный конфликт с властью. Как-то он написал очень злую работу «О значении воинствующего материализма» В. И. Ульянова (Ленина). И оказался в «списках невыездных» до конца существования СССР.

Работу я написал, правильно поняв его намек, но мне за нее до сих пор стыдно. Писал то, что надо было, а не то, что на самом деле думал. Правда если бы писал искренне, что думал, вряд ли получилось бы лучше, мне только казалось, что в этих вопросах я что-то понимаю. Сейчас вижу, что тогда не знал я и не понимал ничего.

Я вспомнил о Голосенко потому, что ушел он из жизни рано в 2001 году, прожив всего 63 года, собственно в то же время, что и мальчишки-математики. Уверен, что причина ухода

у них одна. Та же причина и у парней из моего класса, просто в силу своего природного здоровья одноклассники мои задержались на земле чуть дольше. Причина совсем не алкоголизм – это следствие, а причина в разочарованиях и потере смысла жизни. У моих друзей я видел это задолго до их ухода.

Наши отцы тоже любили выпить, но почти все прожили больше восьмидесяти. Они, пережив страшную войну, умели радоваться малому, в них был оптимизм и страсть к жизни.

И все же мне было не до конца понятно, почему так легко уходили самые лучшие и талантливые, причем даже, внешне состоявшиеся, как Голосенко, например, и при этом в основном мужчины. Имеющее быть резкое обесценивание интеллектуально развитого населения, на этот вопрос полностью не отвечало.

Окончательный ответ пришел неожиданно и совсем недавно. По программе «Спас» показывали серию из шести фильмов Никиты Михалкова «Русские без России». Я просмотрел все, несмотря на то, что именно эта информация для моей души самая тяжелая и мучительная. Почему-то я очень тяжело с юных лет переживаю судьбы носителей нашей национальной культуры во время революции, и после нее. Они так разрывают мне душу, что по этой причине не смог дочитать некоторые прекрасные книги. Стоит у меня в библиотеке хорошо изданная книга Ирины Головкиной «Лебединая песнь (Побежденные)». Автор – внучка композитора Римского Корсакова. Книга прекрасная, написана талантливо, как раз о судьбе тех, кто остался в России. Прочитал только треть, дальше читать не могу, душа разрывается.

Так вот о фильме – состоит он из двух частей, объединённых одной темой – гражданской войной, и последовавшей за ней русской эмиграцией:

В первой части документального сериала «Русский выбор» рассказано о судьбах военных, вынужденных покинуть Родину после окончания братоубийственной Гражданской войны. В сериале показана жизнь генералов Врангеля и Деникина, адмирала Колчака, трагедия русской эскадры, судьба мальчиков-кадет и казаков. Через призму трагедии писателя Ивана Шмелёва продемонстрирована участь тех, кто, поверив обещаниям советской власти, остался на Родине.

Во второй части сериала «Русские без России» рассказывается, как строилась жизнь русских изгнанников на чужбине и что помогало им выжить. Каким может быть русский образ жизни, не изуродованный революционными преобразованиями? Каким может быть русский язык, сохраненный в благородном своем качестве и звучании, и самое главное – какой может быть вера в Россию?

Вторая часть оказалась для меня настоящим откровением. Я прозрел, поняв, что без веры, без любви к родине, ближнему, цели жизни пропадают, и она теряет смысл.

Что там наши испытания 90-ми годами! Да это игрушки по сравнению с тем, что перенесли русские, изгнанные с любимой родины. Основное, что помогало им выживать – это православная вера, русская культура и память предков.

Сегодня многим стало ясно, какое страшное преступление перед Россией совершили коммунисты, наполовину уничтожив и наполовину выгнав за пределы страны лучших носителей ее культуры. А ведь это не менее четырех миллионов человек. Они лишили народ наш главного; веры, культуры, памяти и поэтому полностью на их совести несправедное унижение и ранний уход из жизни в 90-х годах лучших представителей русской интеллигенции, выросшей уже при советской власти. Они, именно они лишили нас веры, десятилетиями искусственно унижали культуру, а в девяностые многих ее представителей лишили финансирования и выставили на улицу, сказав: «Вы стране победившего социализма, а теперь принимающей капитализм не нужны, культуру мы возьмем на Западе».

К счастью вторая половина моей жизни проходит в радости в основном потому, что на моих глазах, тяжело с серьезным сопротивлением коммунистов и либералов, но все же возвращается на родину настоящая русская культура.

Прямо с какой-то войной, продолжавшейся больше года, но вышел-таки на экраны документальный фильм, посвященный жизни великого русского философа, писателя и публициста Ивана Солоневича. Возвращается вера, вот уж и церковь наша православная объединились с зарубежной, вернулись к нам изгнанные почти на сто лет русская философия и литература. Даже исконно русские кадетские традиции, трогательно показанные Михалковым в фильме, невероятным образом восстанавливаются в военных училищах. Видел по телевизору несколько передач посвященных хору Жарова, честно говоря – возгордился. Благодаря Михалкову узнал об удивительном поэте-казаче Николае Туроверове. Его стихи переворачивают душу:

*Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня.
Я с кормы всё время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая
За высокою кормой,
Всё не веря, всё не зная
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь всё плыл, теряя силы
Веря в преданность мою.
Мой децик стрелял не мимо —
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.*

Глава 5

Про дедушек и коммунистов

Детство есть детство, я просто рос, набираясь опыта, а вот в юности уже начал замечать и сравнивать, например, культурную среду в которой существовали дедушки, бабушки и отцы с матерями. Правда про дедушек я подзагнул, за все свое детство видел и общался всего с одним, звали его дед Тима. Жил он в деревне, на первом этаже дома, хозяйкой которого была моя бабушка. Бабушка занимала второй этаж, а первый отдала своей младшей сестре бабе Ксюте. Дед Тима был ее мужем. Запомнился он мне высоким, сутулым с громадной прокуренной бородой и выцветшими, слезящимися глазами. Делая какие-то движения, он всегда громко кряхтел. Во дворе дома стоял большой стол с лавками вокруг. У деда за ним было свое место, и он никогда посиделки не пропускал. Летом вечерами за этим столом всегда собиралась компания, балагурили, смеялись, играли в карты или домино. Дед говорил мало, слушал, явно внимательно и с удовольствием, поскольку живо на все реагировал, хмыкал, поддакивал, смеялся вместе со всеми. Медленно непослушными пальцами время от времени он делал из газеты козьи ножки, набивал их махоркой и с наслаждением закуривал. Любимое занятие деда Тимы – игра в карты. Мне кажется, он знал все картежные игры, и я не помню, чтобы он проигрывал. Днем он иногда медленно ходил по двору, опираясь на клюку, грубо сделанную

из кривой толстой березовой ветки, часто останавливался и о чем-то думал. Позже, когда уже деда не стало, узнал, что сразу после войны он получил десять лет лагерей, отсидел восемь, вернулся в деревню в конце 1953, после смерти Сталина.

Уже взрослым я вдруг спохватился, понял ненормальность того, что вырос в окружении одних бабушек. Дедушек не было нигде, не помню ни одного в социалистическом городке Кировске, в котором прошло мое детство, и даже в деревне встретил всего одного.

Мои дедушки оба погибли. Дед Кузьма – нелепо, еще перед войной, от гангрены, сломал ногу и пытался лечиться ее домашними средствами. Дед Иван после войны пропал в сталинских лагерях.

Да, отсутствие дедушек действительно величайший негатив для нас, русских. Целых два поколения выросли без дедушек и, отчасти, с дефицитом отцов. Это явление началось с Первой Мировой войны и сразу за ней – Гражданской. Напомню читателю, что Первая Мировая унесла порядка 3 млн. русских жизней, а гражданская около 10 млн. Понятно, что более 10 млн. из погибших – мужчины, к ним необходимо прибавить и не менее 1,5 млн. мужчин, выгнанных советской властью из России.

Самая страшная потеря мужчин была у нас в мирное время путем совершенных коммунистической властью репрессий в 30-х годах. Раскулачивание, искусственный голод в стране в 1932—33 годах, ГУЛАГ – унесли порядка 15 млн. мужских жизней, а потом сразу Вторая Мировая война и плюс к ним еще 20 миллионов. Неудивительно, что мы, послевоенные дети, росли без дедушек. Два последних поколения в своем подсознании невольно зафиксировали, что дедушки они как бы и не нужны. Набирает силу и новое явление, связанное с распространяющимся по миру феминизмом, отрицания отцов. Когда дети вырастают, все чаще отцы им тоже не нужны. А еще сегодня из-за информационной революции так сильно обострились отношения между поколениями, что они почти совсем перестали понимать друг друга.

Кто-то иногда пошутно спохватывается, например, таким образом: В рамках проекта «Клуб читателей» газета ВЗГЛЯД представила однажды текст Виктора Пляшкевича о том, зачем нужно звонить своим отцам: «Отец – самый ненужный человек на свете. Неизвестно, для чего он существует. Что, собственно, с ним делать? О чем с ним говорить? Вот шеф, друзья, любовница, подруга любовницы, собака, в конце концов, жена – с ними есть о чем разговаривать, потому что за звучащими переливами слов стоит цель. А от отца какая цель, польза – то какая от него? Зачем ему звонить, встречаться? Кажется, странные вопросы задаю. Однако не я один так думаю. Другие тоже говорят, правда, робко. Вот и у Жванецкого на всю страну постоянно проскакивает это: „Сынок, ты хоть позвони!“ Не звонит».

Задача женщины выкормить и вырастить своих детей, а еще она может помочь вырастить внуков, что-то полезное делать на кухне и потому востребована детьми до конца своих дней. А что же бабушка? Задача бабушки – стратегическая, передать следующему поколению национальный код, знание истории своей страны, как минимум того времени в котором бабушка жила. От правильного выполнения этой задачи зависит будущее нации и государства. Совсем не случайно говорят, что народ, забывший свою историю, не имеет будущего. А мы забыли не только историю своего государства, но и память о семьях наших, рода нашего, как правило, обрывается на бабушках. Как же важно помнить собственных предков, гордиться ими! Ведь это заставляет человека жить достойно, праведно, чтобы не только не запятнать честь рода, но стараться прославить его, зная, что потомки будут помнить тебя и поминать добрым словом.

Сегодня у меня нет сомнения в том, что дикий социальный переворот в 1991 году, сотворенный по духу совсем не русскими людьми оказался возможным в основном потому, что два поколения подряд у нас выросло без дедушек. Мы за это время забыли свою историю и национальный код, перестали себя уважать, приняли в души как главные ценности деньги, жратву и развлечения, в результате по незнанию своему и незаметно для себя очень легко предали родину и своих предков.

Даже я, человек, много читающий и что-то знающий из истории родины, кроме истории КПСС, которой нас мучили в школе и институте, на какое-то, хоть и короткое время, но растерялся и тоже посматривал на Запад как больной на врача, с надеждой, что вылечит.

Получив такой страшный урок мы, понятно, спохватились, пересмотрели многие ценности, стали меняться, уверен, что в лучшую сторону, но настоящих причин своего падения так и не поняли.

Вернусь к той культурной среде, в которой прошла моя юность. Официальная среда была навязчивой, примитивной и властью подавалась грубо с серьезной долей насилия. Октябрята, пионеры, комсомолыцы, партия – вокруг всего этого с утра до вечера песни, гимны и барабанный бой. Культура власти была на столь низком уровне, что перебора они не замечали. До них не могло дойти очевидное, что если человека перекормить, то его вырвет. Уже юношей, живя в атмосфере этой примитивной пропаганды, я ощущал небольшой рвотный рефлекс. Судя по анекдотам, ощущали его многие. Например, на всех углах висели лозунги – «Слава КПСС». Распространенный в то время анекдот – один человек обращается к другому: «Ты случайно не знаешь кто такой КПСС? Я, например, знаю, кто такой Слава Метревели, а кто такой КПСС понятия не имею». Или такой.

Чукча приехал домой из Москвы и говорит:

– Чукча в Москве был, чукча умным стал, все знает. Оказывается, Карл, Маркс, Фридрих, Энгельс не четыре человека, а два, а Слава КПСС – вообще не человек.

Теперь о том, что я видел в культуре отношений в семьях, между полами и поколениями? Видел винегрет, но с серьезным, основательным и, кстати, очень приятным душком той старой, еще дореволюционной культуры.

Бабушка моя была маленькой сухонькой тихой женщиной. И как же меня удивляло подчеркнутое почтение к ней крупных довольно в быту грубых ее дочерей и их мужей. Мужчины, даже самые безобразники, в присутствии женщин смирялись и старались грубо не выражаться. К старшим и учителям, какие бы они не были, молодежь всегда относилась с почтением. Я не помню, чтобы к учителям предъявлялись бы какие-то претензии со стороны родителей, ну уж со стороны учеников – это вообще было невозможным. Тогда еще работала формула: «Старший всегда прав». В некоторых семьях моих друзей дети родителей называли на «вы».

Однако падение культуры общения в то время имело место быть и шло оно от коммунистической власти. Взяв власть в России не по праву, внутренне чувствуя свою интеллектуальную и профессиональную несостоятельность, посаженные в высокие кресла коммунисты, пытаясь хоть как-то поднять свою значимость, стали бесцеремонно присваивать себе лично достижения других, находящихся по статусу ниже, и даже менять сложившуюся столетиями культуру отношений. Так высший в иерархии коммунист всех низших называл на «ты», невзирая на возраст и заслуги, при этом к нему все низшие обращались на «вы». Об этом хорошо написал Даниил Гранин, вспоминая свои встречи с секретарем обкома Ленинграда Григорием Романовым. Мной такие случаи воспринимались с некоторым юмором и даже вспоминаются где-то снисходительно, как к культурному примитивизму. В стране тогда вся работа была построена на системе разносов. Руководитель собирал совещание и обязательно кого-то разносил, не стеснясь в выражениях. Этот принцип управления негласно был принят всей вертикалью власти. В 1982 году я попал на совещание к министру транспорта в Москве и с удивлением слушал эти разносы в его громадном кабинете с применением очень грубых слов.

Коммунисты искусственно культуру отношений в стране перевернули с ног на голову, все население ее, разделив на классы. Рабочих объявили самыми передовыми и требовали брать с них пример. Интеллигенция в их понимании – это вообще не класс, а какая-то прослойка, и она должна была учиться у рабочего класса, но я за всю свою жизнь так и не понял чему. В результате этого культурный уровень интеллигенции за время советской власти значительно

опустился, в ее среде почти исчезли традиционные понятия чести и порядочности. Неприятно, что это бескультурье принесло свои несимпатичные плоды во все слои нашего общества.

Так, недавно я смотрел передачу по «Спасу» под названием «Парсуна». По-русски – это будет «личность» или «персона», персоной в ней был Никита Михалков, а вел передачу Владимир Легойда. Передача хорошая, оторваться невозможно, но одно обстоятельство сильно царапало мне душу и мешало получить полное удовольствие. Михалков к Легойде обращался на «ты», а Легойда к нему на «вы».

Как же так? Ведь Никита Михалков почитается мной как олицетворение русской культуры, его род – один из самых древних и уважаемых в России. Начиная свою историю с XV века, он включает в себя гербы Романовых, Толстых, Пушкиных и Одоевских. И вдруг такой прокол в этикете. Честно скажу, что для меня это шок какой-то. Ведь эту передачу смотрят миллионы. Даже мне, не относящемуся к культурной элите, ведомо, что общение на «вы» обязательно во время конференций, интервью и т. п., вне зависимости от форм общения в неформальной ситуации. В официальной обстановке даже к хорошо знакомому человеку необходимо обращаться на «вы».

У них большая разница в возрасте, но ведь Легойда совсем не мальчишка. Между прочим, он специалист в области культурологии, политологии и религиоведения, председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом, профессор кафедры мировой литературы и культуры МГИМО МИД России, главный редактор журнала «Фома».

Да даже если и мальчишка, хотя бы на этих двух каналах, «Спасе» и «Культуре», необходимо вести себя подчеркнуто культурно и к мальчишке. Особенно мне непонятно его поведение на этой передаче потому, что Михалков не только любит и хорошо знает Чехова, но судя по его фильмам, тонко его чувствует.

Давным-давно я читал рассказ Чехова «Мальчики», рассказ очень хороший, но навсегда запал в мою память только один маленький фрагмент, и запомнился он как элемент культуры общения в 19-м веке, умиливший меня, подобного не пришлось встретить за всю мою жизнь.

Ученик второго класса приезжает на Рождественские каникулы к родителям и привозит с собой приятеля, в сенях их встречают родители. Вот этот кусочек текста:

« – Володичка, а это же кто? – спросила шёпотом мать. – Ах! – спохватился Володя. – Это, честь имею представить, мой товарищ Чечевицын, ученик второго класса... Я привез его с собой погостить у нас. – Очень приятно, милости просим! – сказал радостно отец. – Извините, я по-домашнему, без сюртука... Пожалуйста! Наталья, помоги господину Черепицыну раздеться!».

Обратите внимание, что отец обращается к мальчику, ученику второго класса на «вы», да и какая вообще культура общения!

И вот такую красоту мы забыли, и в первую очередь ее забыли самые высокопоставленные члены Советского общества. Их понять можно они пытались построить свою, так называемую пролетарскую культуру, причем на обязательном отрицании великой русской культуры. Нашлись, конечно, в среде представителей нашей культуры талантливые хамелеоны, для которых главное в жизни личное благополучие и они тут же подстроились под новую власть. Поэтому объяснение этого прямо скажем некультурного поведения Никиты Михалкова на передаче найти несложно, поскольку он носит фамилию Михалков. Его отец известный писатель Сергей Михалков. Как мы знаем, он был самым гениальным в стране конформистом, обласканным высшей партийной властью и вхожим во все высокие кабинеты. Сергей Михалков автор текстов к гимнам: Сталинскому, Брежневскому и Путинскому, он лауреат Ленинской премии и трех Сталинских, да и вообще награжден всеми наградами, которые существовали в СССР. Элементы хамской пролетарской культуры, витающие в высоких кабинетах, каким-то образом проникли в семью Михалковых и, наверное, впиталось в душу Никиты, да, причем так сильно, что даже высокая русская культура девятнадцатого века, которую он явно любит,

не смогла ничего изменить. Роли Паратова в фильме «Жестокий романс» и проводника в «Вокзале для двоих» удались Никите Михалкову особенно, думаю потому, что в какой-то степени он играл там самого себя, а эти элементы были ключевыми.

Часто возникает вопрос: почему у братьев Никиты и Андрона разные фамилии? Ответ кроется в сложных взаимоотношениях старшего сына с отцом. Будучи максималистом, придерживающимся либеральных взглядов, Андрон сменил фамилию из чувства протеста. Он считал родителя функционером и политиком от пера, разменивающим свой поэтический дар. Поэтому-то настоящее имя старшего сына Сергея Михалкова – Кончаловский Андрей Сергеевич. Друзья чаще называли его Андроном, и это имя закрепилось за ним пожизненно.

Каждому знакомая ситуация в семьях, один ребенок в отца, а другой в мать, то есть один наследует дух матери, а другой – отца. Похоже, что Андрей уродился в мать, а Никита в отца. Несмотря на то, что чрезмерно самоуверенные и циничные люди мне не нравятся из этих двух великих братьев мне все же ближе Никита Михалков, он более русский и Россию чувствует намного тоньше многих известных называющих себя патриотами. Его документальный фильм «Русские без России» я считаю долгожданным и уникальным явлением нашей культуры.

Семьдесят лет властвования коммунистов в стране, несмотря на их жесткую войну с русской культурой, все-таки было прелюдией ее падения, поскольку народ, по-тихому сопротивлялся. Как раз это сопротивление отразилось в переписи населения 1937 года, когда после двадцатилетнего террора властью Православной церкви более 50% населения написали в анкетах, что они православные. Мне кажется, что основной, национальный культурный облом в нашей стране произошел именно в 90-х годах, когда на протяжении более десятилетия, за компанию с опостылевшими народу коммунистическими идеалами, отрицалось все родное, русское. Целое поколение тогда росло на чуждых нам западных ценностях и на культуре воровского криминального мира. Даже сегодня можно увидеть влияние того бандитского времени на всех слоях нашего общества.

Особенно бросается в глаза какая-то безудержная, болезненная страсть людей прорвавшихся к власти не только к наживе и оккупации ее, этой власти, своими родственниками, детьми и приятелями, но и определение своих детей на учебу за границу.

Глава 6

Самоутверждение

Самоутверждение – важнейший элемент в жизни не только каждого мальчишки, но и мужчины, пока он действует в социальной среде. Я, понятно, исключением не был. Борьба за крутизну началась еще в начальных классах. Она проходила в течение всего дня и во дворе, и в школе. Очень долгое время мы мальчишки соревновались в ловкости, смелости и физической силе. Вспоминаю такую картинку из своего детства. Мне лет шесть-семь. Утром выхожу на улицу гулять. У самого крыльца стоит нахохленный сосед Петька, моего возраста, видно расстроен, что во дворе он один. Увидев меня, оживает:

– Жека, аля на школьный.

Мы наперегонки бежим к двухметровому деревянному забору, огораживающему школу и школьный стадион. Сходу одновременно залезаем на него. Сидим на верхушке, переводим дух. Петька обращается ко мне:

– Скажи «чайник».

Я теряюсь, понимая, что здесь проиграл. Ведь он сейчас скажет: «Твой отец начальник», а мне крыть нечем, это действительно так.

После небольшой заминки я нехотя мямлю «чайник». Петька торжествующе:
– Твой отец начальник!

Сижу на заборе слегка подавленный, но думаю: «Вот сейчас будем прыгать в яму с песком, кто дальше прыгнет, и я его там сделаю».

Интересно, что парадоксальным образом самоутверждаться нам помогало даже то, что в каждом дворе был свой странный мальчишка, не такой как все, «гадкий утенок» что ли, например, мог быть рыжим, или «ботаником», как говорят сейчас. Все его старались задеть, обидеть или в лучшем случае сторонились. Они, такие мальчишки, только своим существованием поднимали нас в собственных глазах. Собиралась компания во дворе, и шли воевать с пацанами соседнего двора, конечно без второсортных «ботаников» и рыжих. Самое интересное, что эти «ботаники» тоже самоутверждались, но шли другим путем и как правило, в жизни достигали больших результатов.

Это хоть внешне и грубое, но самое естественное соревнование в жизни. Очевидно, что работало в этом возрасте подсознание, сознания-то еще не было, оно находилось в зачаточном состоянии. Самое важное для того возраста – нужно было быть таким как все и ходить стаей. Причем в этой стае каждый знал свое место, определяемое духом и физической силой. Потом, чуть позже появилось соревнование на уровень интеллекта, тоже хорошо. На стаи мальчишки, уже, пожалуй, юноши, начали делиться не по дворовому принципу, а по интеллекту, хоть физическая сила и продолжала цениться.

Так получилось, что в школе у нас было последовательно два исключительно талантливых учителя физкультуры, которые заразили нас спортом. Один вел занятия с нами до восьмого класса, а другой с девятого до выпуска. Первый, в нашей маленькой семилетней школе, у которой даже не было спортзала, смог вывести команду по пионерскому четырехборью на такой уровень, что она заняла 3-е место в РСФСР. Второй воспитал двух чемпионов СССР среди юношей по легкой атлетике, а самое главное то, что смог привить многим мальчишкам любовь к здоровому образу жизни. Кое-кто, правда, так и не вырос за всю жизнь выше тех юношеских спортивных достижений.

Для меня занятия спортом оказались определенно благом. Это было совсем не худшее заполнение свободного времени, поскольку каким-то непонятным образом в спорт пошли самые умненькие мальчишки, и общение с ними провоцировало не только на спортивные достижения, но и на интеллектуальные. Спортивная подготовка, несомненно, помогла мне самоутверждаться в молодые годы и неоднократно оградила от серьезных неприятностей, может быть, даже спасла жизнь. Первый такой случай произошел, когда мне было лет 13—14.

Это было в конце июля. Шел первый слой подосиновиков. Мальчишки нашего двора всегда ездили за красными, так мы называли подосиновиками, на станцию «Грибное», она находилась от нашего городка километров в девяти, две остановки поездом. Но было одно неудобство, от станции до заветного места нужно было идти целых два километра, причем вдоль железнодорожной линии и назад. К счастью там был поворот, и паровозик всегда притормаживал. Мы бросали свои корзины и выпрыгивали на ходу. Паровозик ходил три раза в день, утром, в обед и к вечеру. Тащил он за собой три маленьких пассажирских вагончика. Мы всегда ехали на утреннем, а в обед возвращались. На станцию не шли, а опять же норовили забираться в вагоны на ходу. Конечно, машинист это безобразие видел, понимал, что мы зайцы, но жалел нас и притормаживал на обратном пути сильнее. Технология посадки была такая, бежишь по насыпи со скоростью вагона, ставишь на верхнюю подножку корзину с грибами, руками хватаешься за поручни, забираешься на нижнюю ступеньку, а дальше в вагон.

Все было штатно, как всегда. Я поставил корзину на верхнюю ступеньку, левой рукой схватился за поручень и в этот момент споткнувшись, повис на одной руке. Меня качнуло под вагон, я не только удержался, но и слегка подтянувшись, зацепился правой рукой и быстро

вскарабкался в вагон. Испугаться не успел. Понял, что легко мог улететь под колеса только когда сел на лавку, вот тут на мгновение в животе появился холодок.

Потом, уже много позже, до меня дошло, что не виси я почти ежедневно на турнике, не соревнуйся с пацанами в подтягиваниях и силовухах, все могло бы кончиться намного хуже.

Даже до окончания школы наш естественный природный индивидуализм ни у кого не проявился. Мы все еще держались стайей, вместе развлекались, ходили на танцы и даже в институт поступали за компанию. Конечно, по полной программе каждый из нас продолжал самоутверждаться, но уже на другом поприще, завоевания сердец первых красавиц. Это нам хорошо удавалось, ведь девочки тонко чувствуют мужскую силу и интеллект. Именно эти качества самца провоцировали их симпатию и благосклонность, поскольку сама природа вселила в души девочек уверенность в том, что именно с таким можно вырастить потомство.

Неожиданно для себя я отличился в преданности своим друзьям. Некоторое время после окончания школы был в растерянности, не знал куда поступать. Отец настаивал на Инженерно-строительном институте, муж двоюродной сестры, работавший начальником цеха на Средне-Невском судостроительном заводе уговаривал поступать в Кораблестроительный. Лучшие мои школьные друзья подали документы в Политехнический институт.

Самым красноречивым и авторитетным для меня оказался муж сестры. Его авторитет утвердился в моей душе еще с детских времен, когда он добровольно водил меня по Питеру и его музеям, удивляя знанием города и его истории. Подав документы в Корабелку, я сильно озадачил своих приятелей. Они никак не могли смириться с расколом, который я внес в их ряды. В начале августа, перед самыми вступительными экзаменами, случилось так, что друзья повезли меня в Политехнический институт. Я настолько очаровался красотой и изяществом его главного белоснежного корпуса, расположенного среди сосен Сосновки, а также громадой спортивного городка с бассейном, что уже на следующий же день забрал документы из Корабелки и сдал их в Политехнический институт. Должно быть, поступил правильно, поскольку никогда в жизни об этом не пожалел.

Тогда по молодости лет мы много не понимали; что у каждого в этой жизни свой путь, что она людей разводит, и наша общая дорога уже заканчивается. Теперь каждый пойдет по своей тропинке и мало того, неведомо для себя, идя по жизни, будет иметь шанс возрасти духом своим. К сожалению, жизнь показала, что не все этим шансом воспользуются. Так получилось, что мы в молодости такие единые, преданные и понимающие друг друга с полуслова, неожиданно быстро разбрелись в разные стороны и, должно быть, оказались на старости лет на таких разных ступеньках духовной лестницы, что перестали понимать друг друга.

Почему получилось так? Нормально ли это? Интеллектуальные задатки у большинства ведь были неплохими, но оказалось достаточно много и таких, кто не сознавая того, выбрал путь деградации. Это те вопросы, которые точат меня на старости лет. Предполагаю, что то, что с нами случилось нормально только отчасти, а в большей степени ненормально и так быть не должно. Уверен, что на судьбы наши негативно повлиял тот социальный коммунистический эксперимент, в котором прожили и выросли наши родители и мы. Этот эксперимент кончился крахом, как и должно было случиться, поскольку оказался в противоречии с нашими душами, жаждущими совершенствования и роста, он предлагал нам чрезвычайно узкие рамки жизни, освященные примитивной идеологией. В конце концов, эксперимент проявил непреодолимые противоречия с естественной для русских Православной монархией, которая просуществовала почти тысячу лет, была ошельмована и, в конце концов, уничтожена либеральными предателями, пошедшими на поводу окружающего нас англосаксонского мира, сильно испугавшегося стремительно набирающей силу и мощь России в начале двадцатого века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.